

УДК 341.9
doi:10.35853/vestnik.gu.2026.14-1.07
5.1.3.

Варианты развития правового регулирования трансграничной несостоятельности в России

Владимир Николаевич Загнетин

Юридическая фирма INTELLECT, Санкт-Петербург, Россия,
vladzagnetin@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-6655-4994>

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме отсутствия в России комплексного законодательного регулирования трансграничной несостоятельности. Несмотря на то, что Верховный Суд РФ в период с 2020-го по 2024 год заложил основы данного института в судебную практику (дела «Витмет», «Pandora Consulting LC», «Westwalk Projects Ltd.»), на законодательном уровне сохраняется правовой вакуум. Автор рассматривает три возможных пути развития правового регулирования в данной области: заключение двусторонних и многосторонних международных соглашений, а также имплементацию норм Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 г. во внутреннее законодательство. Проведенный анализ показывает, что каждый из путей имеет свои преимущества и недостатки. В частности, заключение международных договоров является ресурсоемким и длительным процессом, а их действие ограничено кругом стран-участниц. На этом фоне наиболее предпочтительным и универсальным вариантом признается имплементация положений Типового закона ЮНСИТРАЛ, которая позволит гармонизировать российское право с сложившимися международными стандартами, обеспечить предсказуемость и правовую определенность для участников отношений в сфере трансграничной несостоятельности, не препятствуя при этом параллельному заключению односторонних и двусторонних международных соглашений.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, трансграничное банкротство, трансграничная несостоятельность, ЮНСИТРАЛ, модифицированный универсализм

Для цитирования: Загнетин В. Н. Варианты развития правового регулирования трансграничной несостоятельности в России // Вестник Гуманитарного университета. 2026. Т. 14, № 1. С. 96–102. DOI 10.35853/vestnik.gu.2026.14-1.07.

Options for the Development of Cross-border Insolvency Regulation in Russia

Vladimir N. Zagnetin

Law firm INTELLECT, Saint Petersburg, Russia, vladzagnetin@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0004-6655-4994>

Abstract. The article addresses the current issue of the lack of comprehensive legislative regulation of cross-border insolvency in Russia. Although the Supreme Court of the Russian Federation laid the foundations for this institution in its judicial practice between 2020 and 2024 (the Vitmet, Pandora Consulting LC, and Westwalk Projects Ltd. cases), a legal vacuum persists at the legislative level. The author examines three possible paths for the development of legal regulation in this area: concluding bilateral and multilateral international agreements, as well as implementing the provisions of the 1997 UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency into domestic legislation. The conducted analysis shows that each path has its own advantages

and disadvantages. In particular, concluding international agreements is a resource-intensive and lengthy process, and their application is limited to the circle of signatory countries. Against this background, the most preferable and universal option is deemed to be the implementation of the UNCITRAL Model Law provisions. This would harmonize Russian law with established international standards; ensure predictability and legal certainty for participants in cross-border insolvency relations, while not precluding the parallel conclusion of unilateral and bilateral international agreements.

Keywords: bankruptcy, insolvency, cross-border bankruptcy, cross-border insolvency, UNCITRAL, modified universalism

For citation: Zagnetin VN. Options for the Development of Cross-border Insolvency Regulation in Russia. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2026;14(1):96-102. (In Russ.). DOI:10.35853/vestnik.gu.2026.14-1.07.

Введение

Еще в недавнем прошлом, буквально несколько лет назад, трансграничное банкротство было если не маргинальным подинститутом банкротного права, то, как минимум, явлением необычным, для многих ненужным и почти не исследованным.

Однако за период 2020–2024 гг. ситуация поменялась, и Верховный Суд Российской Федерации, несмотря на отсутствие какой-либо законодательной опоры, в последовательной череде кейсов (Витмет, Pandora Consulting LC, Westwalk Projects Ltd. и др.) «вбил» в отечественный правопорядок, а в особенности в судебную практику, свое понимание основ трансграничной несостоятельности.

Однако на законодательном уровне вопросы трансграничной несостоятельности все еще не урегулированы, и далее мы попытаемся, опираясь на современные реалии, рассмотреть варианты того, каким образом отечественный правопорядок может заполнить существующий правовой вакуум.

Фактически у отечественного правопорядка есть три пути, по которым можно пойти, – и ни один из них не будет исключать оставшиеся.

Так, возможным решением может стать (1) заключение двусторонних соглашений, (2) заключение многосторонних соглашений (в том числе в рамках международных организаций) и (3) внутреннее регулирование по образцу Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 г. (далее – Типовой закон ЮНСИТРАЛ) (см.: [Мохова 2022, ч. 2, с. 136]).

Двусторонние соглашения

Проблему неурегулированности в сфере трансграничной несостоятельности частично можно решить с помощью заключения двусторонних соглашений со странами, экономические связи которых с Россией наиболее сильны, и у подобного варианта есть как свои плюсы, так и свои минусы.

Что касается положительных сторон, то, во-первых, в силу положений статьи 15 Конституции РФ и пункта 4 статьи 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» правила международного договора имеют приоритет над отечественным банкротным законодательством, а значит, при заключении двусторонних соглашений не потребуются внесения изменений в действующий закон о банкротстве. Напомним, что и проект закона о трансграничной несостоятельности (2011 г.), и «суперпроект» по внесению изменений в закон о банкротстве (2020–2021 гг.) находятся в законодательном лимбе, из которого первый уже точно никогда не выйдет, а второй – только после стабилизации экономики и достижения консенсуса между различными группами заинтересованных лиц, что также не сулит каких-либо перспектив.

Поэтому, принимая напрямую акты, непосредственно регулирующие отношения в сфере трансграничной несостоятельности (хоть и с одной юрисдикцией «за раз»), мы в целом решаем проблему проведения таких инициатив через дивный мир отечественной законодательной власти.

Во-вторых, указанный подход удобен и потому, что позволяет осуществлять «тонкую настройку» механизма, ведь для каждой иностранной юрисдикции будет свое регулирование. Да, разумеется, такие соглашения будут типовыми, подобно соглашениям по вопросам двойного налогообложения, но при необходимости в них всегда можно отразить те или иные индивидуальные параметры.

Двусторонние соглашения удобны, и недаром отмечается, что именно такой подход использовался в странах Европейского союза до принятия соответствующих регламентов (см.: [Мохова 2022, ч. 2, с. 136]).

Однако у подобного подхода есть существенный минус, являющийся, как это и бывает, отражением его сильных сторон – государству будет необходимо всякий раз заключать отдельное самостоятельное соглашение, и мы продолжаем разделять мнение, что даже при небольших затруднениях в согласовании позиций из-за большого количества возможных субъектов покрытие хоть сколько-нибудь значительной части регулирования займет много времени (см.: [Загнетин 2022, с. 91]) и отнимет много сил, без какой-либо гарантии достижения конечного результата, ведь вторая сторона по соглашению – такой же самостоятельный суверен.

Указанный недостаток, впрочем, можно существенно купировать составлением типовой формы двусторонних соглашений – полагаю, при выборе подобного пути развития это неизбежно, ведь будет безумием всякий раз начинать разработку проекта с нуля, не опираясь на имеющиеся заготовки.

Многосторонние соглашения

Помимо вышеуказанного пути, нельзя забывать и о возможности заключения многосторонних соглашений. Здесь также есть свои положительные и отрицательные стороны.

Как и двусторонние соглашения, в силу своей международной природы многосторонние соглашения также будут иметь приоритет над отечественным банкротным законодательством, а о пользе подобного мы уже высказались ранее.

Положительный момент заключается и в том, что технически будет необходимо согласовывать существенно меньшее количество итоговых документов – да, число субъектов останется примерно тем же, но все же правопорядок будет избавлен от надобности согласовывать и разрабатывать множество разрозненных договоров, которые в итоге все равно всегда крайне трудно выстроить в сколько-нибудь стройную систему.

Что касается минусов, то на данном этапе заключение многостороннего договора нам видится реализуемым только в случае его разработки на базе какого-либо экономического союза или наднациональной организации, а указанное существенно ограничивает пул государств, с которыми будет возможно заключить подобные соглашения, ведь такие организации зачастую либо строго территориальные и включают соседствующие страны, либо в целом объединяют только государства со схожими экономическими и правовыми системами.

Справедливости ради стоит отметить, что двусторонние соглашения о трансграничной несостоятельности, скорее всего, тоже бы заключались только со странами со схожими правовыми и экономическими системами, а значит, указанный минус релевантен и для двусторонних соглашений.

Что касается конкретики, то ранее нами [Загнетин 2022, с. 91] и другими учеными [Квашнин 2025, с. 186] высказывалось обоснованное, но вероятно преждевременное мнение, что наиболее перспективной наднациональной организацией для многостороннего соглашения в сфере трансграничной несостоятельности является Евразийский экономический союз (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, а также государства наблюдатели Молдова, Узбекистан, Куба и Иран).

Однако, как показала практика международного взаимодействия, вероятнее всего такой организацией станет Содружество независимых государств, так как именно на базе этой организации в настоящий момент разрабатывается проект модельного закона

«О трансграничной несостоятельности и банкротстве», о котором будет сказано немногим далее.

Также, именно на базе Содружества независимых государств Министерство экономического развития Российской Федерации в 2024 году разрабатывало проект «Соглашения о трансграничном банкротстве» [Соглашение о трансграничном банкротстве ... 2024], который обоснованно канул в Лету, так как по своей сути являлся лишь незначительно усовершенствованной позицией Верховного Суда Российской Федерации по делу Westwalk Projects Ltd.

Национальное регулирование (имплементация soft law)

Наконец, третьим вариантом является путь национального регулирования, а именно принятие в виде отдельного закона или в виде поправок в закон о банкротстве норм, регулирующих трансграничную несостоятельность.

Отметим, что ранее нами достаточно конструктивно обосновывалась позиция, согласно которой наиболее предпочтительным вариантом нормативного регулирования трансграничной несостоятельности является имплементация Типового закона ЮНСИТРАЛ в отечественную правовую систему (см.: [Загнетин 2022, с. 92]), и в целом мы продолжаем придерживаться указанной позиции и считаем, что имплементация Типового закона ЮНСИТРАЛ – наиболее удачный путь развития отечественного законодательства в сфере трансграничной несостоятельности.

Впрочем, позиция о предпочтительности выбора имплементации Типового закона ЮНСИТРАЛ, строго говоря, не является уникальной – подобные идеи высказывались как до нас [Мохова, Яцук, Лиджанова 2020, с. 112], так и в куда более поздних исследованиях [Квашнин 2025, с. 186], в связи с чем можно осторожно, хоть и не без доли самовнушения, говорить о начинающем складываться консенсусе.

Действительно, указанный путь, даже при некоторых недостатках, содержит ряд существенных преимуществ, в связи с чем мы не можем не рассматривать именно его как приоритетный.

Во-первых, при имплементации Типового закона ЮНСИТРАЛ отечественному правопорядку не придется согласовывать итоговые условия с иными юрисдикциями, ведь это сфера внутреннего законодательства.

Во-вторых, Типовой закон ЮНСИТРАЛ был успешно апробирован в нескольких десятках юрисдикций на протяжении двадцати лет, и по его применению уже сложилась относительно устойчивая практика.

В-третьих, Типовой закон ЮНСИТРАЛ изначально создавался как документ, предназначенный для имплементации в отрыве от членства в каких-либо организациях, в связи с чем он не накладывает на суверена каких-либо излишних обязанностей и не предполагает существенных уступок в суверенитете.

Еще один из плюсов указанного механизма – высокая гибкость, так как при включении положений Типового закона ЮНСИТРАЛ в национальную систему можно отступить от тех или иных положений или изменить их (как это сделали, например, Япония или Южная Корея) (см.: [Мохова 2022, ч. 2, с. 136]).

Однако главный плюс имплементации положений Типового закона ЮНСИТРАЛ в российскую правовую систему – это включение отечественного правопорядка в уже сложившуюся систему международной несостоятельности по модели Типового закона ЮНСИТРАЛ, в которую на момент подготовки настоящего исследования входят шестьдесят государств (из последних – Саудовская Аравия, присоединилась в 2022 году).

В этой связи в доктрине было абсолютно верно замечено, что такие документы, как Типовой закон ЮНСИТРАЛ, создают современный «язык» трансграничной несостоятельности (см.: [Мохова. Трансграничный эффект банкротства ... 2022, ч. 1, с. 125]).

Игнорируя прогресс, достигнутый иными юрисдикциями в сфере трансграничной несостоятельности и выраженный, в том числе, в Типовом законе ЮНСИТРАЛ, отечественный правопорядок рискует быть непонятым, толкуя те или иные понятия транс-

граничной несостоятельности по-своему, что может не совпадать или прямо противоречить международно признанному толкованию таких понятий.

Можно возразить – и пусть, у нас свой путь, а значит, и свое трансграничное банкротство. Однако такая позиция – путь в никуда, поскольку не бывает внутреннего национального трансграничного банкротства.

Трансграничное банкротство создало само себя только потому, что субъекты были принуждены к трансграничному сношению по тем или иным вопросам несостоятельности, они вынуждены, хотя бы они того или нет (чаще – не хотят), взаимодействовать с субъектами из иных юрисдикций.

А для международного сотрудничества нужно, выражаясь буквально и фигурально, «говорить на одном языке».

В этой связи, например, нет никакого смысла в том, что Верховный суд Российской Федерации в деле *Westwalk Projects Ltd.* в качестве юрисдикционного критерия возбуждения вторичного производства квалифицировал «постоянное представительство либо имущество» – такое определение напрямую противоречит сложившемуся пониманию истеблишмента (общепризнанный юрисдикционный критерий возбуждения вторичного производства) как «места деятельности, в котором должник осуществляет не носящую временного характера экономическую деятельность, охватывающую людей и активы, товары и/или услуги», в общем-то и сложившемуся для преодоления позиции, согласно которой вторичные производства могут возбуждаться по месту нахождения имущества должника.

Отступая от классического понимания истеблишмента, отечественный правопорядок несет риск того, что при признании в каком-либо иностранном правопорядке, где имплантирован Типовой закон ЮНСИТРАЛ, возбужденного отечественного «вторичного» производства, такое производство может и не быть признано вторичным – ведь на самом деле юрисдикционным критерием его открытия является не истеблишмент, а простое наличие активов, которое Верховный суд Российской Федерации приравнял к истеблишменту.

Указанный пример наглядно показывает, насколько бессмысленным и неудобным, в первую очередь для отечественных субъектов трансграничной несостоятельности, является путь «самостийности и уникальности» вместо логичного, стройного и адекватного пути встраивания в уже существующую систему трансграничной несостоятельности.

Подобная проблема обусловлена более общей проблемой всего международного частного права, суть которой в том, что определенные юридические понятия не всегда одинаково квалифицируются в праве различных стран (см.: [Канашевский 2021, с. 34]), и тем более будет неверным игнорировать механизм, позволяющий обеспечить однозначность трактовок понятий из разных юрисдикций.

Не стоит забывать, что недаром в трансграничной несостоятельности, даже на уровне терминологического аппарата, банкротство составляет лишь половину, в то время как вторую половину составляет трансграничный аспект, подразумевающий взаимодействие с иными юрисдикциями. Такое взаимодействие будет затруднительно, если отечественный правопорядок продолжит оперировать известными только ему понятиями или давать уже существующим понятиям свое маргинальное толкование.

В качестве альтернативы, впрочем, возможно помыслить и иной акт «мягкого права», а именно разрабатываемый в настоящий момент соответствующей рабочей группой Межпарламентской Ассамблеи СНГ проект модельного закона «О трансграничной несостоятельности и банкротстве». Однако в настоящий момент деятельность рабочей группы все еще продолжается (см.: [В СНГ создадут единые правовые основы ... 2025]), а сам текст проекта в публичном доступе отсутствует, поэтому нет какой-либо возможности оценить его содержание по существу.

В этой связи мы продолжаем считать, что имплементация Типового закона ЮНСИТРАЛ путем внесения изменений в закон о банкротстве все еще является наи-

более предпочтительным путем развития отечественного правового регулирования, однако нельзя не отметить, что поскольку указанный путь основан на изменении внутреннего законодательства, постольку он никоим образом не стесняет и не ограничивает заключение двусторонних и многосторонних соглашений, – все три указанных способа, как было сказано нами ранее, не исключают, а дополняют друг друга.

Выводы

Итого, по вопросу перспектив развития отечественного правового регулирования трансграничной несостоятельности можно сделать следующие выводы.

1. Для разрешения вопроса правового вакуума в сфере трансграничной несостоятельности заключение двусторонних международных соглашений допустимо, но не является полностью удовлетворительным, так как предусматривает заключение (в том числе согласование условий) множества соглашений с множеством стран, что трудно-реализуемо практически.

2. Для разрешения вопроса правового вакуума в сфере трансграничной несостоятельности заключение многосторонних международных соглашений также допустимо, но тоже не является полностью удовлетворительным, так как во многом основано на членстве в соответствующих международных организациях и по умолчанию ограничивает перечень доступных стран.

3. Наиболее предпочтительным видится реформирование действующего банкротного законодательства России путем принятия на основе Типового закона ЮНСИТРАЛ отдельной главы закона о банкротстве или отдельного закона, посвященного трансграничной несостоятельности.

Указанный акт «мягкого права» уже внедрили в свои правовые порядки страны с диаметрально противоположными правовыми и политическими системами, что доказывает универсальность и применимость его положений независимо от исторических и культурных различий.

При этом, поскольку имплементация Типового закона ЮНСИТРАЛ путем внесения изменений в закон о банкротстве основана на изменении внутреннего законодательства, постольку она никоим образом не стесняет и не ограничивает заключение двусторонних и многосторонних соглашений в сфере трансграничной несостоятельности, а значит, все три рассмотренных нами способа возможно использовать параллельно как не исключающие, а дополняющие друг друга.

Список источников

- В СНГ создадут единые правовые основы трансграничного банкротства // Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств : официальный сайт. 05.06.2025. URL: https://iacis.ru/novosti/postoyannye_komissii/zasedanie_rabochej_gruppi_mpa_sng_po_podgotovke_proekta_modelnogo_zakona_o_transgranichnoj_nesostoyatelности_i_bankrotstve (дата обращения: 09.09.2025).
- Загнетин В. Н. Вторичные (неосновные) производства в трансграничном банкротстве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 11. С. 81–93.
- Канашевский В. А. Проблема квалификации в международном частном праве // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 9. С. 33–46. DOI 10.12737/jrl.2021.109. EDN HFVLOY.
- Квашнин П. Р. Дело «Вествок» и важные вопросы трансграничного банкротства в России // Закон. 2025. № 2. С. 178–187. DOI 10.37239/0869-4400-2025-22-2-178-187. EDN QFOWRV.
- Мохова Е. В. Трансграничный эффект банкротства: институт специального банкротного признания в зарубежном праве и международных стандартах (часть 1) // Закон. 2022. № 8. С. 121–136. DOI 10.37239/0869-4400-2022-19-8-93-121-136. EDN EUQCQZ.
- Мохова Е. В. Трансграничный эффект банкротства: институт специального банкротного признания в зарубежном праве и международных стандартах (часть 2) // Закон. 2022. № 9. С. 122–137. DOI 10.37239/0869-4400-2022-19-9-122-137. EDN CFLLKT.

Мохова Е. В., Яцук Н. П., Лиджанова А. Э. Forum shopping и конкуренция регулирования в трансграничных банкротствах и реструктуризациях // Закон. 2020. № 9. С. 97–114. EDN PYOIRB.

Соглашение о трансграничном банкротстве (проект) // Министерство экономического развития Российской Федерации : официальный сайт. 2024. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/8f8df90fd0ad9c46f0915e93ac22449f/Proekt_soglasheniya_po_transgranichnomu_bankrotstvu.pdf (дата обращения: 09.09.2025).

Информация об авторе

Владимир Николаевич Загнетин, юрист, юридическая фирма INTELLECT (Санкт-Петербург, Россия). SPIN-код: 9690-7442.

Information about the author

Vladimir N. Zagnetin, lawyer, law firm INTELLECT (Saint Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | Submitted 19.09.2025.

Одобрена после рецензирования | Revised 05.12.2025.

Принята к публикации | Accepted 05.12.2025.